КЛАССИКА НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Альфред Вебер (1868 – 1958), видный немецкий социолог культуры, экономист и политолог. На его творчество оказали влияние идеи Фридриха Ницше, Огюста Конта, Карла Маркса, Освальда Шпенглера, Макса Шелера, Макса Вебера. Обращаясь к теме, введенной в широкий научный оборот его старшим братом Максом Вебером – о парадоксе «рациональности» и «рациональной бюрократии», А. Вебер осмыслил ее по-своему. Он выделил несколько антропологических типов человека, соответствующих значительным историческим эпохам. Три из них известные науке: первый тип – неандертальский человек – простое агрессивное существо, полностью зависимое от природы; второй тип – человек, осознавший эту зависимость и пытающийся от нее освободиться, создавая зачаточные формы экономической и социальной жизни; третий тип – человек, создавший высокие культуры и производства. Здесь А.Вебер констатирует факт рождения нового антропологического типа человека, целиком и полностью сформированного современным бюрократическим аппаратом по своему образу и подобию. Встраивая его в свою культрсоциологическую схему истории человечества, А. Вебер назвал его «*четвертым человеком*». Впоследствии за этим социальным типом – *новыми левыми* (Герберт Маркузе) – было закреплено название «одномерного человека».

Смысл и образ «четвертого человека» Альфред Вебер раскрывает в приведенной нами работе «Идеи к проблемам социологии государства и культуры» (ч.1V. Чиновник), вышедшей в свет в 1927 г., актуальность которой не вызывает сомнения.

© Жовтун Д.Т., 2010

А. Вебер

ИДЕИ К ПРОБЛЕМАМ СОЦИОЛОГИИ ГОСУДАРСТВА И КУЛЬТУРЫ[1]

Чиновник[13]

<…>

I

У нас уже давно существовали организованные в гигантские формы структуры общества. Они были воплощены в государстве и церкви. И в те-

[1] Печатается в соответствии с текстом издания: Альфред Вебер Избранное: кризис европейской культуры.– СПБ.: Университетская книга, 1998. – С. 106 – 125.

чение долгого времени, начиная с XIV и XV столетий, эти таким образом организованные части общества также представали нам как уже устоявшиеся рациональные организмы. И до тех пор пока они сохраняли у нас такой вид, мы имели также некий «аппарат», который затем создает их «становой хребет», скрепляет их изнутри в единое целое, дает им возможность двигаться и функционировать; и поскольку у нас был такой аппарат, мы имели систему учреждений и тем самым бюрократизацию.

Но этот рациональный механизм, чье воздействие было ограничено рамками наиболее универсальных основ бытия, в ту пору простирался над жизнью как слабое, сооруженное из тонких прутьев перекрытие, в определенной степени лишь как нечто такое, что только в самых общих чертах касалось поверхности жизни, не затрагивая ее частных проявлений. Все активное существование, всяческое экономическое созидание, всяческая общественная деятельность, все единичные поступки, совершаемые в сообществе, весь повседневный труд оставались, невзирая на попытки бюрократического аппарата регулировать также их, по своей внутренней сути и непосредственному содержанию все же совершенно ему не доступны. Эта деятельность не была ему подвластна, так как осуществлялась в формах, не подверженных бюрократизации: организованная в малые структуры, не поддающаяся расчету, определяемая не экономическим принципом, а комплексом эмоций, отношениями кровного родства и соседства, она, подобно не возделанной еще земле, находилась в некотором роде в глубокой долине, еще всецело за пределами какого бы то ни было механизма и ниже зоны его воздействия – механизма, стремившегося включить ее в свое движение.

Если социологическая наука впоследствии однажды спросит себя, что явилось самым грандиозным историческим преобразованием, ознаменовавшим собою приспособление человека к жизни, таким преобразованием, которое привело к глубочайшему перевороту в содержании его бытия, она без сомнения неизменно снова и снова будет изображать процесс, послуживший мостом от той ситуации к нынешней, от «растительного» состояния к рационально организованному – процесс, представляющий собою подлинную социальную революцию XIX столетия. Его первый, более продолжительный этап, охвативший все это столетие вплоть до последней его четверти и имевший результатом ярко выраженную трансформацию жизни, связанную со становлением крупного производства, сегодня видится нам всем завершившимся; а второй, недавно начавшийся этап этого процесса ныне окружает нас со всех сторон и создает проблему бюрократического перерождения, о котором я говорю.

Это был единый гигантский процесс рационализации, приведший к изменению последовательности различных сфер жизни в соответствии с особенностями формирования облика крупного производства, какие мы ныне в области техники именуем господством машин и разделения труда

в области экономики – «капиталистическим обществом». Он вырвал людей, принадлежавших у нас к низшим слоям населения, из прежних, свободных условий бытия и безжалостно бросил их как простую рабочую силу в те серые, безотрадные, однообразные корпуса, в какие ныне заключен фундамент нашей сферы жизни. Все то, что мы до сих пор называли «социальным вопросом», есть не что иное, как отражение этого процесса в содержании жизни и жизненной участи поглощенных таким образом этим механизмом низших слоев.

Это все подошло к концу – или почти подошло к концу. Однако то, что ныне дальше разворачивается перед нами и о чем мы должны говорить, – это совершенно явный рост рационалистических форм организации как в области экономики, так и во всех прочих сферах нашего бытия, и их переход во вторую фазу, в которой эти достигшие более высокой ступени развития формы теперь перемещают вверх уже сложившиеся на низших ступенях экономические механизмы, последовательно соединяют их в целостные гигантские организмы и, наконец, в период монополизации замыкают их на самих себя.

Эти действия выражают внешнюю особенность, внешний облик современной фазы развития, а его внутреннее предназначение при этом состоит, разумеется, в следующем: отнять свободу существования еще и у средних и высших слоев общества, включить и их в качестве рабочей силы в большой рациональный механизм и согласно их природе (т. е. параллельно тому, какими видами труда некогда занимались эти люди, покуда они сохраняли свободу существования) использовать их как такой персонал, который, исполняя функции технических и торговых специалистов, делопроизводителей и управляющих, образует бюрократическую вершину целого.

<…>

II

<…>

У высших слоев этот процесс, будучи по своему содержанию все-таки тем же самым, совершился тихо, почти беззвучно. Он происходил, да и ныне происходит, по-иному, потому что внешне он несравнимо менее жесток, потому что он не сопряжен с социальным деклассированием, с обнищанием, обусловленным применением машин, с выталкиванием в область полной неуверенности в дальнейшем существовании, а, напротив, означает обретение больших удобств, большей надежности жизни и даже во много раз большего социального престижа на предоставленных взамен свободного образа жизни зависимых рабочих местах. Разве из-за этого он стал не столь глубоким, не столь решающим? Счастлив тот, кто может быть так слеп, чтобы это подумать. Коль скоро то, что у низших слоев населения отняли свободу самостоятельно определять формы их трудовой жизни, уже было чудовищным деянием, сколь пагубным долж-

но оказаться, что эта же участь постигла теперь и верхние слои. Ибо насколько более значимыми представляются ценности, определяющие свободу выражения личности и воплощенные в самых современных достижениях этих верхних слоев, настолько больше мы утрачиваем.

<…>

Низшие слои населения сумели спасти свою человеческую сущность из обломков их разрушенных ценностных представлений о труде тем, что они стали относиться к утратившей свою значимость профессии, работе, которую они делают, как к чему-то такому, чем она теперь только и продолжает быть – как к некоей «данности» и не более того; в остальном они дистанцируются от нее и переносят духовный центр тяжести своего бытия за пределы рабочего механизма, в котором они пребывают; они ищут ***в жизни*** то, чего больше нет, – или что пока еще присутствует только отчасти, – в их труде: индивидуальность и свободу. Все то, что ныне в них заключено – бодрость, сила и нерастраченная энергия, какие они сохранили, несмотря на не приносящую им более удовлетворения работу, их открытость всему, что составляет понятие культуры, их политическое здравомыслие, их готовность пожертвовать собою в борьбе, их удивительно мощное, горячее стремление к тому, что они считают благим, справедливым и прекрасным, вся присущая им крепость духа и характера, даже их работоспособность и строгая обязательность в самом труде, – все проистекает из этого источника. Они спасли себя, спасли в себе людей, когда, лишившись одного мира, обрели для себя другой.

Но что случилось со средними и верхними слоями общества, трансформировавшимися в чиновников и служащих?

Всеми имеющимися в распоряжении средствами их пытаются привязать к аппарату и профессии, так чтобы они растворились в них. Им дают уверенность в завтрашнем дне, комфортное существование взамен беспокойной, полной неопределенности борьбы в потоке жизни; но в свою очередь требуют от них связать всю свою жизнь с аппаратом и «повиноваться» ему. Им позволяют подниматься от одного места к другому в этом аппарате, открывают перспективу сделать карьеру и обрести в будущем немалое влияние – но в качестве возмещения настаивают на том, чтобы все их силы были отданы работе. Им предоставляют почет и достойное положение в обществе, если речь идет о государстве или самоуправляемой коммуне – но взамен намереваются получить в придачу к рабочей силе целиком всего человека, т. е. его «душу».

Но как ведут себя люди, вовлеченные таким образом в аппарат?

Ответим на такой вопрос позже. Скажем для начала: есть опасность, что они забудут совершить то, что сделали гораздо менее образованные, но более крепкие низшие слои, – что они забудут дистанцироваться от аппарата, – и что они, скорее всего, начнут считать существование, предлагаемое им этим аппаратом, истинной жизнью; произведенную ими в рамках

разделения труда и системы предписаний работу – по-настоящему высоким достижением; заинтересованность в результатах труда и определяемом ими продвижении вверх в этом механизме – подлинным жизненным интересом; а мертвый и бессодержательный дух аппарата – духом времени. Такая опасность налицо; она представляет собой последнюю решающую проблему, о которой нам следует сказать.

Сначала еще несколько слов. Сегодня так много говорят о децентрализации, придании аппарату большей гибкости, о гарантиях самоуправления и т. д.; по-видимому, с помощью всего этого надеются хоть кое-где, в государственной либо частной сфере, в некоторой степени избежать всеобщего процесса бюрократизации, снизить его интенсивность или вовсе воспрепятствовать его развитию. Все такого рода упования в большом почете; считается, будто более гибкая структура, обеспечивающая на нижних ее ступенях большую свободу, возможность самостоятельно принимать решения и осуществлять индивидуальные действия, лучше, нежели безукоризненно организованное централизованное образование.

<…>

И, конечно, именно поэтому Шмоллер совершенно оправданно всегда и везде подчеркивает, что бюрократизация с технической точки зрения просто служит симптоматичным признаком высокоразвитого общественного устройства. В развитом обществе бюрократизации никак не миновать. – Теперь скажем об опасностях.

III

Размеры опасности поглощения населения аппаратом совершенно различны в зависимости от характера населения и свойственных ему типичных форм выражения, обусловленных в той или иной стране его природной склонностью и историей.

Существуют народы, чей темперамент уже сам по себе не позволяет им утонуть в недрах аппарата. Их натура такова, что на любой однозвучный шум работающих механизмов они реагируют негативно и стремятся дистанцироваться от них. Француза, каким бы хорошим чиновником он ни мог стать, – даже если он пока таковым не является, – никогда не удастся представить простым бюрократом. Ибо «месье», вероятно, умеет очень ловко калькулировать, формулировать, декретировать, даже парировать. Но он, пожалуй, никоим образом не сможет раствориться в аппарате, потому что ему, как правило, на все это «наплевать», это вызывает в нем скуку, и он чувствует потребность в ином: в тепле, смене впечатлений, состоянии возбуждения; жить по-другому он не в состоянии. Именно вследствие этого он не может утонуть в глубинах аппарата.

Я далек от того, чтобы полагать, будто среди нас, немцев, – живем ли мы с замкнутой или открытой душой – нет элементов, реагирующих на аппарат если не точно так же, то сходным образом. Бисмарка дважды пы-

тались «впрячь» в него; его темперамент реагировал так, что он всякий раз вырывался оттуда, притом делал это весьма грубо; и в течение всей своей жизни он не утратил чувства отвращения к этому, по его выражению, «усыханию всех соков в конторе». Но все-таки, много ли у нас таких людей? Насколько сильны волны нашей природной сущности, которые во встречном движении отражают натиск этого монотонно рокочущего и наводящего скуку гигантского механизма? Будем откровенны. Внутреннее родство, существующее между столь значительной инертностью нашего эмоционального восприятия и бесчувственной недвижностью аппарата, страшно велико, чересчур велико, чтобы не создавать у нас опасности вовлечения нашей духовной энергии в механизм. Это то, чего мы боимся в первую очередь – природной предрасположенности.

<…>

IV

Во-вторых: размеры опасности оказаться поглощенным аппаратом также неодинаковы в зависимости от сообщаемой ему духовной энергии и проявляемой им в соответствии с этим силы внушения. Прежде всего это касается государственного аппарата; сразу приходят на ум огромные различия в положении, которое он занимает в той или иной стране, относящиеся не столько к масштабам его распространения вовне, сколько – « главным образом – к влиянию, духовной значимости, какие отведены ему в жизни. Мы подумаем, что в демократическом или парламентском государстве, где аппарат служит инструментом в руках того или другого большинства, того или другого президента, он никак не может претендовать на ореол величия, какой у него все же есть в прочих странах, где провозглашена либо реально существует государственная власть, способная сказать о себе, что она представляет собою государство, его подлинный «становой хребет». Мы подумаем, сколь явно в данном случае в этих странах ориентированы на чиновников все очерченные этим ореолом ценности, связанные с возвышением личности, как легко они им достаются единственно на основании их положения в обществе, рода занятий, профессии, и сколь велика тогда должна быть сила внушения и энергия, вынуждающие их всецело посвятить себя «службе». И таким образом мы снова увидим проистекающую отсюда исключительную опасность для судеб немцев – правда, увидим ее в полной мере только в том случае если примем во внимание еще и некоторые особенные, свойственные нам одним черты, о которых пойдет речь ниже.

Если посмотреть внимательно, у нас, во-первых, происходит то же самое, что во всех автократически-бюрократических государствах: человек, который в других странах – если даже он так или иначе принадлежит к государственному аппарату – обретает значимость в обществе не вследствие этого, а благодаря тому, что он собою представляет как личность, у нас ничуть не ценится как индивидуальность и становится всем как чиновник; при

обращении к нему непременно упоминают его титул, его место в обществе всецело обусловлено занимаемой им должностью, ему оказывают уважение сообразно званию; жизнь не ведает, каков он с другой стороны. А если несчастный однажды попытается освободиться от этой роли и явиться пред нами просто человеком, ему, скорее всего, придется тогда весьма несладко. Как бы то ни было, везде, где имеет место такой процесс, кому-нибудь всякий раз да удается тем или иным способом спасти себя от бесповоротного соскальзывания на положение человека, представляющего собою лишь олицетворение своей профессии. Но наряду с этим мы имеем вторую особенность: у нас налицо не только совершенно «вульгарный» бюрократический ореол и излучаемая им одним энергия, но и то, что Макс Вебер метко назвал «метафизикой чиновничества», что, возможно, лучше было бы обозначить как обожествление чиновника, идеальное претворение его субстанции в абсолютную сущность. Столь сильно пока ощущение искусственной обусловленности нашего бытия организованными структурами, столь велико чувство благодарности за все те элементы, которые, воплотившись в государстве, содействовали становлению этих структур, что это породило у нас такие настроения и на их основе – такое учение, которое можно абсолютно точно охарактеризовать именно с помощью приведенных выше понятий и которое – скажем откровенно – есть не что иное, как идолопоклонство по отношению к чиновничеству, т. е. то, чему предаются многие из лучших наших теоретиков государственного права, самых уважаемых историков, наиболее влиятельных экономистов этого направления. Настоящее идолопоклонство! Но поскольку каждый из них неизменно руководствуется интересами дела – или по меньшей мере стремится к этому, – то существование подобного учения означает, что на деле возвышается и усиливается не отдельно взятый чиновник, а поистине именно аппарат; что его пытаются представить чем-то мистически-чудесным, окутать его в высшей степени странным туманным облаком, наделить его силой, какой он обычно все же не обладает даже в бюрократических государствах. А это, в свою очередь, служит выражением того, что отдельный чиновник оказывается все полнее и безнадежнее целиком вовлечен в него и окутан им. Именно такие мистические настроения, вызывающие к жизни сознание бесконечно возрастающего авторитета организационных структур и потребность в таком авторитете мы ощущаем у себя каждый день; настроения, из которых возникают боязливое стремление всех групп чиновничества сплотиться перед лицом внешнего мира и представляющаяся необходимым условием «непогрешимости» иллюзия «единства»; настроения, которые далее порождают тенденцию к разрушению отдельных частей целого, практический упадок самоуправления и случаи отставки бургомистров, перемещения учителей на другое место работы и т. д. Уясним себе, что именно та же самая сила стремится целиком подчинить единой власти спрессованный таким образом в унифицированную массу людей чиновничий аппарат, связует чинов-

ника всеобщей клятвой верности не только на службе, но и вне ее и в итоге вырастает до того, что требует от него совершенно определенной «тональности», ясной каденции всего существования; сила, которая карает его, коль скоро ему однажды придет на ум открыто воспротивиться ее воздействию. Только уясним все это, и мы начнем понимать.

Все это касается лишь государственного аппарата. Но суть дела тем самым не исчерпывается. Это «создание», возникшее в одной из областей, а именно наиболее важной, наиболее заметной в социальном отношении области нашей жизни, излучает свою энергию также на прочие имеющиеся у нас организационные структуры и на производимую ими работу. «Функционирование», абсолютная преданность профессии, растворение человека в чуждой ему, существующей независимо от его сознания деятельности, исчезновение индивидуальности в процессе такой деятельности, – все это получило у нас универсальное «освящение», не объяснимое с точки зрения только религиозного фактора, который и в других странах сообщает этому оттенок святости и ныне еще продолжает действовать в таком направлении также у нас; мы найдем ему объяснение лишь в случае, если ощутим, какие клубы фимиама курятся над алтарями государственного чиновничества и как они проникают собою всю нашу жизнь. У нас жертвуют собой и приносят в жертву других, где бы ни обнаруживалась такая возможность. Ибо везде, где находят эту жертву, ощущается присутствие языческого идола – государственного чиновника.

<…>

V

Конечно, нам никоим образом не уйти от бюрократической организации. Все равно, отдадим ли мы глубинные основы и насущные потребности нашей жизни, те из них, что нуждаются в организационном оформлении, в руки государства и его подразделений или вверим их тому, кто в качестве организатора и частного предпринимателя возьмется за дело и сумеет это использовать в собственных финансовых и иных целях. В любом случае результатом является тот же самый механизм, та же гигантская конструкция, в чьих многочисленных пустынных помещениях, будто в подземных катакомбах ее бытия, умирает наша душа. Все равно, кто сооружает такую конструкцию и кто ею владеет, – клетка оказывается построена; теперь именно она определяет нашу судьбу.

Наша цель проста: мы хотим спастись от аппарата, спастись как люди, как личности, как носители жизненной энергии. – Хорошо. Итак, давайте сначала разрушим ореол, каким он сегодня у нас осенен. Посмотрим на него трезво как на техническую данность бытия, абстрагируемся от какого бы то ни было благоговейного чувства, с каким мы приукрашиваем, прежде всего, его «государственный» элемент, короче говоря, лишим его той метафизики, которая его ныне окружает. Более того, будем мужественны, последовательны, активны и честны. Пойдем далее и совлечем стесняющую

наши движения ложную метафизическую оболочку с того, что составляет глубинную основу явления в целом, – с профессии как таковой.

<…>

То, о чем здесь говорится, не ново и, к счастью, несложно. Однако порой, может быть, весьма хорошо вернуться к тому, что представляется очевидным, и на такой основе формулировать выводы, имеющие отношение к действительности. Пожалуй, нам следует когда-нибудь принять всерьез все те многочисленные слова о ценности личности и от исключительно метафизического исследования ее «предназначения» идти дальше к конкретному рассмотрению профессии и индивидуальности и спросить себя, каким образом мы могли бы связать их воедино либо отделить одну от другой. Если мы это совершим, то незамысловатое, само собою разумеющееся нечто, какое мы в жизни человека ставим выше работы, а самого человека – выше его профессии, и тот факт, что мы считаем эту последнюю только одним из многих способов раскрытия человеческой личности, сразу обретает очень важное значение для современной действительности. Ибо поскольку мы знаем, что подчиненным аппарату профессиональным занятиям надлежит отдавать лишь малую долю нашей «человеческой сущности», но отнюдь не великие ценности человека, из этого следует, что смысл профессиональной деятельности отныне может состоять лишь в том, чтобы она служила одним из многих и, несомненно, далеко не самым важным проявлением нашей жизненной энергии в нашем бытии и могла стать еще одним, и при этом второстепенным, способом выразить себя.

Поймите это правильно. Мы сохраним всякой работе ее достоинство. Нам известно, чего это стоит – день за днем, преодолевая внутреннее и внешнее сопротивление, непрерывно заниматься именно тем, что в глубине души тебе совершенно чуждо, и как это закаляет волю. И нам не хотелось бы отказываться от этой функции укрепления воли, представляющей собою в то же время последний остаток прежнего содержания труда, его летучий призрак, благодаря которому мы ныне отдаем дань общественности. Но мы будем воспринимать этот труд как предпосылку нашей жизни, но вовсе не как ее цель, как нечто естественное, о чем умалчивают, что-то вроде норм морали в узком смысле, которым следуют «просто так». И, оценивая человека, мы не станем допытываться у него о его работе, о ее содержании, но, может быть, самое большее, спросим о том, как он ее исполняет, утрачивает ли он в ней свою индивидуальность или же он, при том что хорошо с ней справляется, все-таки в духовном отношении сохраняет независимость от нее, или, что то же самое, остается ли он живым человеком. И то, насколько он остается таковым, вероятно, будет тем эталоном, «золотым локтем»[23*], который послужит нам мерой.

Если мы когда-нибудь к этому придем, это будет означать, что мы изменили самые основы; тогда все прочие вещи окажутся с точки зрения целого лишь последствиями, правда, очень важного свойства.

Значительным результатом будет, если вследствие созданной заново системы оценки жизненной энергии человека, вследствие возникновения на такой основе новой атмосферы бытия окажется разрушено ложное метафизическое облачение чиновника. Это неизбежно произойдет; ибо ведь оно базируется на простом перенесении всех ценностных представлений в сферу объективного, которое в таком случае окажется нарушено. И, разрушаясь, оно непременно увлечет за собою очень многое, и в первую очередь, что особенно важно для нас, того языческого идола, какого в ином случае была бы в силах устранить только демократическая революция; – немецкого «обожествленного» бюрократа.

Проявим снисходительность – устранить не его самого, а только его поддельную, заемную королевскую мантию, это образование, сотканное из заслуг былых времен и чаяний нынешних романтиков от политики. Распад данного образования, без сомнения, будет многое значить, ибо он внутренне высвобождает человека, в котором мы нуждаемся, из его бюрократической оболочки, возвращает его нам. И происходит это именно в той области, где человек доныне был наиболее плотно окутан ею и поглощен своей профессией. Тем самым, такой распад вообще разрушает непосредственно самый очаг вовлечения человека в мертвый механизм в обществе в целом.

Но этого недостаточно. Если мы хотим снова обрести перед собой человека, мы должны разбить цепи, сковывающие его также снаружи, и реальным образом освободить его от аппарата. Это больше и сложнее того, о чем говорилось ранее. Это непросто и чревато серьезными последствиями, так как снова поднимает вечный вопрос истории – вопрос **о** противостоянии прав личности и государственной и общественной необходимости – и с иной стороны, нежели та, что представляется нам первичной, показывает всю борьбу, прежде разворачивавшуюся в сфере власти и управления, и, конечно, универсальные основополагающие проблемы общественной жизни.

Просто это, скорее, несколько второстепенные, хотя и важные внешние характеристики. Если у нас спросят, не следует ли нам еще в более широком масштабе вверить дальнейшие области нашей жизни центру, осуществляющему наше включение в профессиональную деятельность, т. е. государству и его подразделениям, и тем самым укрепить узы обязательств, наиболее тесно сковывающих человека, мы теперь, вероятно, без колебаний ответим: нет. Пусть муниципализация, национализация и т. д. обладает теми или иными преимуществами, пусть ведет к большему комфорту и безопасности для функционеров, более высокому уровню обеспеченности масс, – опасность умирания личности в нашей жизни в настоящее время столь велика, настолько превосходит все остальное, что нам сегодня вполне хватит сложившейся у нас ныне формы бытия, которая наиболее отчетливо выражает эту опасность.

Но это нечто исключительно внешнее. К этому прибавляется следующее обстоятельство: во-первых, огромные массы людей поглощены у нас теперь государственным аппаратом. Как с ними быть? И далее: в том, что касается остальных, которых мы должны отдать в распоряжение его более кроткого «брата» – частного аппарата, тоже существует проблема: каким образом дать им свободу в рамках внешней правовой формы организации их жизни? Именно эта проблема, поставленная применительно к рабочим, доныне служила содержанием наших размышлений, именно она привела там к возникновению сложной системы права, предусматривавшей разграничение обеих сфер бытия: личности и профессии. Нынешняя проблема та же самая, только затрагивает она новую область – чиновничество; правда, вследствие этого она оказалась помещена в очень изменившиеся условия, наполнена существенно иными тенденциями, ориентирована, по-видимому, на принципиально близкое, но по своим конкретным особенностям неизбежно иное и, конечно, еще много более сложное решение, нежели там. Сначала необходимо увидеть проблему в целом. Стремление немедленно разрешить ее до конца отдавало бы самонадеянностью. Сейчас возможны только высказывания самого общего характера; и в связи с этим хочу лишь заметить следующее.

Во-первых: с моей точки зрения, не подлежит сомнению, что следующей эпохе, да и нам самим в этих новых условиях будет не понять, что существовал такой период современным образом организованных отношений в сфере власти и управления, когда государство могло подобно тому, как оно поступает сейчас, сказать чиновнику: ты мой, потому что ты некогда продал мне себя; я могу способствовать твоему продвижению по службе, а ты не в силах повлиять на этот процесс; я в состоянии наполнить твой труд содержанием или отнять у него это содержание, а ты не в силах повлиять на этот процесс; ты – ведь именно это до сих пор утверждает административное право нашего «современного» государства – мой вассал. Нам будет не понять, как нынешнее государство оказалось способно сказать это сотням тысяч человек, которые имеют поистине только такой предоставленный им здесь кусок хлеба, да и могут иметь только его в силу необходимости в течение всей жизни учиться своей профессии. Вероятно, покажется еще менее понятным, что все, не размышляя далее об этом, спокойно взирали, как в процессе национализации и муниципализации в обществе получили возможность множиться толпы людей, живущих в подобных обстоятельствах, как их число могло возрастать до того, что они все в большой степени образовывали тип, характерный для целостных больших классов общества. Мы осознаем, что только в отношении нескольких функций, находящихся в ведении государственного аппарата, ему необходим человеческий материал, отданный ему в полное распоряжение, но что речь при этом идет лишь о немногих древнейших функциях, которые вообще имеются у него: о полицейской службе и обе-

спечении правопорядка. При этом все те обширные новые сферы и функции, которые впоследствии вверила ему история, такие, в которых находит выражение забота о состоянии экономики, о воспитании и физическом здоровье, никоим образом не требуют этой, напоминающей рабскую зависимость, коммендации[24*] человека аппарату. Окажется, что среди тех новых сфер найдется несколько таких, которые, наружно являя собою общественно необходимую предпосылку нашего нынешнего существования, со своей стороны, возможно, тоже требуют чуть сильнее детализированного права для своих служащих, но есть и такие, что просто исполняют наиболее рутинную работу в нашей жизни, не нуждаясь в каком-либо «особом положении». Мы увидим, что в отношении всех этих обширных и, пожалуй, все еще увеличивающихся областей и роста численности занятых там функционеров надлежит таким образом сначала создать некое «право», такое, которое предоставляет этим функционерам «права человека», вызволяет их из состояния пожизненного рабства и возвращает им способность оказывать влияние на собственную жизнь. Воистину, это грандиозное чудесное деяние. Это поймут, и такого рода право будет создано.

И второе: мне представляется несомненным тот факт, что все эти государственные функционеры однажды найдут общий язык с частными. Все трансформированные в процессе бюрократизации слои нашего среднего класса, которые продолжают расширяться по мере перехода нашего бытия на все более высокие ступени механизации и рационализации, комплекс инженеров, техников, специалистов в области торговли и т. д., принадлежащих к аппарату и ныне делающих там, вероятно, наиболее важную и актуальную работу, – все они сегодня уже организованы, и их организация, призванная заложить основу их нового положения в жизни, когда-нибудь станет центром притяжения также для организаций, которые объединяют государственных чиновников. Тогда возникнет, как действительно завершенное, целостное образование, чрезвычайно многочисленный, обширный средний слой населения, уже названный одним из современных писателей «государством будущего», – слой, который затем иным путем, нежели это происходило до сих пор, когда-нибудь придет к осознанию своего единства, важности и значения, какими он обладает. Было бы удивительно, если бы тогда он не оказался вынужден вспомнить самого себя и свою силу, ту гигантскую силу, какой он действительно располагает в обществе; и если вместо того, чтобы умолять государство о пенсионном обеспечении и прочих вещах, чем он занят сегодня, он в таком случае должен будет решиться взять свою судьбу в собственные руки и сделать тот важный шаг, который мы намереваемся здесь именовать правовой эмансипацией чиновника – как государственного, так и частного. Если такой момент настанет, – а он однажды настанет, – если, следовательно, этот новый класс тем самым сбросит не только внутренние, но и – в допустимых пределах, установленных неизбежными

обязательствами и жизнью в сообществе, «подчиняющей нас всех своим законам», – внешние оковы, то перед нами откроются почти безграничные перспективы; пожалуй, это бесспорно.

<…>

Примечания

[13] Из «Die Neue Rundschau» («Новое обозрение») С. Фишера, октябрь 1910 г. Некоторые акценты этого сочинения сегодня стали беспредметными. Тем не менее, вычеркивать их было бы лишено смысла.

Примечания переводчика

[23*] Локоть – мера длины, равная приблизительно 0,5 м.

[24*] Коммендация (от лат. Commendare – вверять, передавать) – в раннесредневековой Западной Европе добровольный переход под покровительство более «сильного», могущественного человека, как правило, светского или духовного феодала. Сообразно статусу лица, переходившего под покровительство, знаменовала собою установление вассальных отношений или крестьянской зависимости.

© Жовтун Д.Т., составитель, 2010